

Н. А. Лихова

**Жизненное пространство детей в крестьянской семье на рубеже XIX–XX вв.
(на примере Ярославской губернии)**

В статье анализируется жизненное пространство детей в крестьянских семьях, роль школы и отходничества. Дана характеристика культурной и бытовой стороны жизни крестьянских детей.

Ключевые слова: жизненное пространство, дети, воспитание, образование, семейные отношения, деревня, община, труд, распределение обязанностей.

N. A. Likhova

**Vital Space of Children in a Peasant Family in the XIX–XX-th centuries
(on the example of the Yaroslavl Province)**

The vital space of children in peasant's families, and a role of school and otkhodnichestvo is analyzed in this article. The characteristic of the cultural and household way of peasant children's life is given in the article.

Keywords: vital space, children, up-bringing, education, family relations, village, a community, work, distribution of duties.

В последнее десятилетие в исторической литературе усилился интерес к изучению жизненного пространства личности, ее образа мыслей и картины мира. В данной работе под жизненным пространством подразумевается, во-первых, окружающая среда личности, необходимая для удовлетворения нужд одного человека при определенных социально-экономических условиях, во-вторых, мир психологических представлений и переживаний личности.

Крестьяне очень бережно относились к рождению, сохранению и воспитанию нового поколения. Бесплодие воспринималось людьми того времени как несчастье для семьи и позор для женщины. При довольно ровном отношении к детям в русских семьях все-таки больше ждали рождения мальчиков. У крестьян это было вызвано в первую очередь хозяйственно-экономическими причинами. «Мальчики в крестьянской семье заменяли рабочих» [9].

Роды чаще происходили вне жилого помещения, по наиболее распространенной и древней традиции – в бане. На третий, восьмой или двадцатый день после родов ребенка укладывали в колыбель, называвшуюся также люлькой, зыбкой, колышкой. До года он там находился почти постоянно, а затем вплоть до двух, а иногда и трех лет занимал ее для сна. В русской деревне колыбель воспринималась как первый дом ре-

бенка, поэтому требовалось соблюдение многочисленных предосторожностей в обращении с ней. В течение первого года жизни младенца клали в зыбку, обязательно благословляя, чтобы «черт не подменил». В качестве оберега от нечистой силы в колыбель помещали нож, ножницы, щетку и т. д. Чтобы ребенок ночью спал, на соломенную подстилку клали гребень или веретено. Расставание ребенка с колыбелью символизировало переход его из младенческого состояния в половозрастную группу детей.

Патриархальный мир семьи, в котором рос ребенок, отражен в разных фольклорных жанрах, но, пожалуй, первыми произведениями устной культуры, адресованными непосредственно ребенку, были колыбельные песни, и уже в них нередко встречаются картины обыденного поведения, хозяйственной деятельности ближайших родственников, трудового ритма семьи:

Вырастешь большой,
Будешь хороший да баской,
Будешь в людшки ходить,
Будешь денежки носить,
Станешь работку работать,
Станешь пашенку пахать [3].

Важная роль в освоение жизненного пространства ребенком отводилась игрушкам и играм. С помощью игрушек решались задачи ду-

ховного воспитания, социальной адаптации в среде сверстников и взрослых, происходило включение в традиционную культуру общества с принятыми в нем ценностями, представлениями о праве, красоте, пользе, нравственных идеалах и этических нормах. Дети в игре воспроизводили почти все жизненные ситуации. Они играли в свадьбу, прием гостей, в рождение младенца. Это приобщало их к традиции, закладывало моральные устои, вводило в обрядовую культуру. Изображая обряд, дети запоминали порядок его ведения, правильное использование вещей в том или ином ритуале. Передавая поведение взрослых в играх, чадо не всегда приобретало только положительные навыки, так например, крестьянин описывает игру в «хозяйку» 6-летней девочки: «Волосы на ней были всклокочены, лицо вымазано сажей, она бранилась у печи нехорошими словами, с остервенением передвигая горшки и наконец, схвативши чашку, со злостью поставила на стол и крикнула своим куклам: «Нате, постылая, жрите!» [6]. Подражая взрослым, дети рано пробовали курить. На сельских свадьбах подростки выпивали наряду со взрослыми.

Летом дети всех возрастов были предоставлены сами себе, основную часть времени проводили на улице – купались, собирали ягоды и грибы, играли. Мудрость народной педагогики заключалась в том, что крестьянские дети росли в естественных условиях, окружающую среду познавали эмпирически, навыки обретали через подражания взрослым.

Приобщение ребенка к трудовой жизни семьи начиналось очень рано, буквально с младенчества формировалось осознание труда как неотъемлемой и естественной части жизни. В крестьянстве вся жизнь семьи проходила на глазах детей. Ребенок, передвигающийся по дому, не только осваивал жизненное пространство дома, но и усваивал порядок, заведенный в семье, наблюдал за распределением обязанностей между ее членами, правилами поведения и т. д.

Дети подчинялись главе семейства. Отец распоряжался сыновьями, мать – дочерьми. В обязанности родителей входило содержать, одевать, кормить детей, учить их грамоте, Закону Божьему, приучать к работе по дому и в поле, женить или отдавать замуж. По сельским традициям отец был волен отдать своих детей в найм, не спрашивая на то их согласия. Лишь отделившиеся сыновья и замужние дочери не были подвластны отцу. Женатый сын, если у него имелись братья, стремился отделиться от хозяйства отца.

Дочери, взрослея, также покидали отцовский дом. Взрослые дети должны были содержать престарелых родителей или платить «на прокормление» определенную сумму. Не все дети относились с уважением к старикам, родителям приходилось терпеть от них и «разного рода бедствия: побои, ругательства и т. п.» [4].

Детей рано приучали к нелегкому крестьянскому труду. Нередки были случаи, когда 5–6-летних детей посылали за десятки верст отвести хлеба или воды работающей семье. Мальчики этого возраста пасли скот, управляли лошадей при вспашке и бороновании, в 12–13 лет пробовали бороновать и пахать самостоятельно, 14–15-летние подростки уже выполняли все традиционные мужские работы в поле.

Девочки 5–6 лет присматривали за малолетними детьми, помогали носить воду, дрова, мыть посуду, полоть огород, принимали участие в уборке избы. Зимними вечерами девочек приучали к работе на ткацком станке, прядению ниток. В обязанности девочек 10–12 лет входил уход за скотиной, а также присмотр за малолетними детьми. Зачастую, мать могла оставить на 10-летнюю дочь весь дом. В отношениях с младшими сестрами и братьями старшие дети вели себя как взрослые, учили и наказывали их. Младшие члены семьи постепенно подключались ко всем видам сельскохозяйственных работ. К 15–16 годам девушки были практически полностью включены в соответствующие их социальному статусу виды домашнего и полевого хозяйства. Выражаясь современным языком, трудовое воспитание мальчиков и девочек осуществлялось с учетом возрастных особенностей.

Многие крестьяне из-за бедности и малоземелья отправляли своих малолетних детей на заработки в Санкт-Петербург. Крестьянин Любимского уезда Ярославской губернии Иван Никандров отмечает: «...мужик не знает, как бы дожидаться, когда его сыну будет 11 лет, и напрягает все силы, чтобы отправить его на заработки в Петербург, не ради наживы, а ради того, что хлеба не будет дома есть, да и одевать его не надо» [5]. Следующим образом характеризует отходничество земский начальник 2 участка Ростовского уезда Ярославской губернии: «Отхожими промыслами деревня живет, одевается, учится и оплачивается» [2]. Начальник участка также отмечает не только отрицательное, но и положительное влияние отходничества на крестьян и крестьянских детей: «Приходя с промысла, крестьянин не только научает своих домашних и односельчан разными пороками,

но вносит в среду сознания потребности грамотности и образованности, приносит технические, агрономические и другие знания, которые могут быть непосредственно применены в крестьянской жизни» [1].

В конце XIX в. наблюдается рост самосознания крестьян, которые стали понимать значимость образования, более активно отдавать детей в церковно-приходские школы. Многие крестьяне отмечают, что «не ходят в школу только дети самых нерадивых родителей» [8]. Крестьянин Гдовского уезда Петербургской губернии Григорий Богомоллов подчеркивал, что «полезно было бы ввести обязательное образование не только мальчиков, но и девочек, как будущих матерей и воспитательниц молодого поколения» [7]. В деревнях, расположенных недалеко от школ, все крестьяне посылали своих детей учиться. Мальчики и девочки начинали обучение с семи лет, но, в отличие от мальчиков, которые проходили полный курс обучения, девочки через год-два из школы выходили, так как нужно было помогать матери вести хозяйство. Полученные в школе знания передавались младшим детям и отчасти взрослым. Крестьяне сожалели, если по причине отдаленности учебного заведения, бедности им не доводилось отдать ребенка в школу [10]. Повсеместно крестьянские общины и отдельные группы крестьян, дети которых достигли подходящего возраста, нанимали учителей и предоставляли поочередно помещение для занятий либо снимали совместно избу для такой школы. Нередко обучение вели грамотные крестьяне, иногда «бродячие» учителя из образованных слоев населения, переходившие из деревни в деревню.

Таким образом, жизненное пространство детей не ограничивалось общиной и деревней. В связи с развитием процесса модернизации крестьяне стали отдавать детей в школы, отправлять в отход. Дети изучали грамоту, знакомились с городской культурой, вдали от родных учились принимать самостоятельные решения. Имея заработок, подростки частично тратили его на себя, главным образом, на одежду и обувь – атрибуты завидных жениха или невесты. Несмотря на то, что жизнь детей была заполнена трудом, всегда оставалось время на игры, гулянья, посиделки.

Библиографический список

1. ГАЯО. – Ф. 642. – Оп. 1. – Д. 23489. – Л. 2, 2 об.
2. ГАЯО. – Ф. 642. – Оп. 1. – Д. 23489. – Л. 2.
3. Русские дети [Текст] : энциклопедия / отв. ред. И. И. Шангина. – СПб., 2006. – С. 162.
4. Сельский вестник [Текст] : газета. – 1897. – № 24. – С. 327.
5. Сельский вестник [Текст] : газета. – 1897. – № 29. – С. 375.
6. Сельский вестник [Текст] : газета. – 1897. – № 3. – С. 29.
7. Сельский вестник [Текст] : газета. – 1895. – № 6. – С. 64.
8. Сельский вестник [Текст] : газета. – 1897. – № 27. – С. 352.
9. Труды ВЭО [Текст]. – СПб., 1864. – Т. 2. – С. 402.
10. Фирсов, Б. М. Быт великорусских крестьян-землепашцев [Текст] / Б. М. Фирсов, И. Г. Киселёва. – СПб., 1993. – С. 268.